

НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА...

(ИЗ БЛОКНОТА
ЖУРНАЛИСТА)

На бойком тракте раскинулось село Вторая Пристазь. Недалеко бурь, революционных потрясений пронеслось над ним. Сколько драм, людских трагедий был свидетелем этот тракт! Он слышал кандалящий звон сыльных каторжан, чапрабляющихся в глубь Сибири, подалеке от «недремлющего» царского юка. Здесь раздавался свист абель, пуль и снарядов красногвардейских отрядов, преследующих и изгоняющих белую нечисть. По нему уходили из села лучшие сыны Сибири биться с врагом в грозном сорок первом. Многим не суждено было вернуться назад. В память о них, отдавших свои жизни на бранных полях Великой Отечественной, соорудили на видном месте, около сельского Дома культуры, величественный монумент благодарные потомки.

По другую сторону от него высится еще один обелиск. «Вечная слава героям, павшим за власть Советов», — вчитываюсь я в простые, проникновенные слова на его почерневшей от времени дощечке. Мимо бегут, торопятся грузовики и легковые автомобили. Группами и в одиночку степенно шагают прохожие. Юркой стайкой, размахивая портфелями, пропархивают мальчишки и девочки. У каждого свои дела, свои заботы. Вот ядом со мной останутся две девушки, по всему видать, школьницы-старшеклассницы. Посеребрили, построжали их лица. Бездумчивыми стали глаза. От беспечной веселости за минуту до этого владевшей ими, не осталось и следа.

Какие же чувства родились у них в глубине сердец при виде этого обелиска? Знает ли молодежь, чей прах покоится под ним? По рассказам местных жителей, из других источников я знал, что здесь захоронены венгры-интернационалисты, принявшие в 1918 году керамный бой с мятежными белочехами. Но хотелось встретиться со свидетелями, свидетелями этих событий. Есть ли они? Остался ли кто в живых?

В конторе отделения совхоза мне назвали имя старожилки села, коммуниста Михаила Ефимовича Киреева.

— Встретьтесь с ним, не пожалейте, — напутствовали меня. — Он многое помнит и о многом может рассказать.

— Слово сама судьба распорядилась, чтобы памятник болтам за Советскую власть был постоянно перед глазами того, кто видел их в последний день своей жизни. Дом Михаила Ефимовича Киреева находится через дорогу от обелиска. На счастье мое, хозяин оказался дома. Узнав о цели моего визита, он как-то сразу оживился, провел меня в горницу, предложил чашку чая. Глаза его лучились, неподдельной добротой. Я почувствовал вдруг ту атмосферу непринужденности, которая бывает, когда близко знаешь человека.

— Давно это было, — начал

рассказ Михаил Ефимович, — о, давно! Мне едва минуло тогда пятнадцать лет. Но память отчетливо запечатлела все события. Уж больно они были яркими и ошеломляющими.

В один из июньских дней восемнадцатого года на Второй Пристане расположился отряд красногвардейцев. Сельчане уже были наслышаны, что Мариинск занят шелонами белочехов. Значит, без боя не обойдется. Только ребяташки не могли понять, почему это одних называют красными, других — белыми. И чего они дерутся между собой?

— Красные идут за бедных, а белыки — за богатей, — втолковывал своему десятилетнему братишке смысленный Мишка Киреев.

Между тем командиры красной гвардии, собрав сельчан, предложили им во избежание всех бед покинуть село. В спешке побросав на повозки свои личинные пожитки, они выехали за Раевку. Фронт красных растянулся от Пристаней до Арчекаса, развернувшись в сторону Мариинска. На Второй Пристане часто появлялись венгры с алой лентой на головных уборах. С левого фланга фронта позиция считалась неприступной, за Арчекасом начинались непроходимые болота. Однако белочехи не дремали. Нашлись людишки из местных с черной душойкой. Это бекто Аликин, державший в городе винопольку, и косяку новые порядки явились являть по праву. К нему примкнули Четвергов, братья Иванызы. Они-то и предложили свои услуги белочехам — провести их через болота в тыл красным. Предложение, хоть и с опаской, белоозером, было принято. Движение отряда белочехов с пушками и пулеметами началось от Нижней Чебулы, через «понтон» на Кап в обход Раевки. Когда проходили через топи, белочехи заблажонились, вплотную подступили к Аликину:

— Ты что? Как Иван Сусанин? Куда ты завел нас?

— Будьте спокойны, господа офицеры, — подобострастно лепетал предатель, — выйдем все, я здесь каждую кочку знаю.

И вышли. Потом белочехи ударили во фланг. Дозорные красных были застигнуты врасплох. Лишь один из них успел вскочить на коня и, наметом прискакав в штаб, сообщил:

— Нас окружают!

Зататакали пулеметы, зарывали пушки. В считанные минуты от разрывов снарядов помыкло до того безоблачное небо. Стойко держались красногвардейцы, до последнего патрона, а когда кончались и они, перешли в рукопашные козтратки. Но силы были слишком неравными. К концу дня исход боя был предрешен.

Не ушли впоследствии от возмездия предатели. А пока что

хозяевами положения оказались белочехи. Крадучись, тайком от взрослых, обшаривали еще дымящиеся пороховой гарью недавние позиции красных Мишка и Сашка Киреевы, чернувшиеся в село. В березняке они какнулись на трупы. Эта была ужасная картина. И неусушенному становилось понятно, что бойцы не сошли с места ни на шаг. Многие с гримасой физических страданий на лице так и застыли на месте, приняв смерть от вражеской пули и клинка, но так и не выпустив из руки винтовки. Александр, поборов робость, приблизился к погибшим. Между пальцами левой руки одного из них он обнаружил клочок бумаги. На нем паспех были начертаны строки по-русски: «Поглябю за власть Советов!» Об увиденном ребята рассказали мужикам. Той же ночью, хоронясь от дозора белых, мужики выкопали на месте гибели героев братскую могилу. Их было двенадцать интернационалистов из неведомой Венгрии, не пожалевших жизни за дело русского пролетариата. И никому из мужиков, по-сибирски угрюмых и немногословных, неведомое было поинтересоваться наличием каких-либо документов, свидетельствующих личность героев. Осталось известным только одно: их было 12 или 13 в братской могиле и среди них девушка, вероятно, медицинская сестра.

Шли годы. Над страной прополыхала еще одна беспощадная война, коснувшись черным козлом и далекого сибирского села Восстанавливали, укрепляли свои пошатнувшиеся за лихолетье хозяйство сельчане. К тому времени стал Михаил Киреев бригадиром животноводства в колхозе. Понадобилось расширить территорию фермы. Она выходила к березняку. Тут-то и вспомнил Михаил Ефимович о братской могиле.

— Нет, нельзя нам здесь ничего строить, земляки, — говорил он. — Место это священо.

О его сообщении стало известно в районе. Комсомол взял на себя почетную миссию перенести останки героев в центр села. Торжественно, со всеми почестями было сделано покое захоронение, а на этом месте воздвигнут памятник. И с того дня минуло уже три десятка лет. Но, как всегда, время не властно над памятью людской. Как и вчера, как и много лет назад, когда в природе только начнется обновление, сюда приходят пионеры с яркими букетами цветов, и им не вянуть до глубокой осени, как символу жизнеутверждающего торжества. Приходят седовласые ветераны войны и труда. Сюда не зарастает народная тропа.

Вновь и вновь вчитываюсь в проникновенные слова на дощечке обелиска. Мимо бегут, торопятся грузовики. Спят по своим делам сельчане. Останьтесь на минуту, прохожий! Отдай дань уважения павшим за рассвет твоей новой жизни!

И. ЕФРЕМОВ.

с. Вторая Пристазь